

...Будучи в Минске, я вновь зашел в Государственный музей Великой Отечественной войны. Не мог не зайти, потому что в моем сердце война оставила след на всю жизнь.

И на этот раз я сделал много записей в своем блокноте. На прощание Раиса Черноголазова, заведующая отделом изучения истории партизанского движения, сказала:

— Хочу подарить вам вот это, берите, очень интересный документ. Это воспоминания подполковника Вачика Погосяна. Это были несколько машинописных страниц, озаглавленных «Армянские бойцы в минском подполье». Их, чуть отредактировав, я и представляю читателям.

В НАЧАЛЕ июля 1941 г. наш 222-й стрелковый полк противостоял вероломно вторгшимся на нашу землю оккупантам на северо-востоке Белоруссии. Помню, в этот день старший политрук моего батальона, капитан Михаил Семенов раздал бойцам бутылки с бензином, чтобы поджигать вражеские танки. Одна досталась и мне. Когда в первом же бою я бросил ее под гусеницу совершенно новенького, будто только что с завода, танка, он сразу остановился. Первый бой оказался для меня последним. Я получил в нем тяжелое ранение, потерял сознание и попал в плен.

Меня зарегистрировали по моему собственному заявлению под фамилией Калашьян и выдали потрепанный, рваный халат, который к тому же был мал и еле прикрывал колени. Он одновременно служил и верхней одеждой, и нижним бельем. Вместе с другими боевыми товарищами я очутился в Минске, в Кропоткинском госпитале. Здесь тогда работали еще наши врачи. Точнее, это был уже не госпиталь, а концентрационный лагерь, подходы к которому усиленно охранялись. Оставшееся в городе гражданское население, не успевшее эвакуироваться, знало про острую нехватку продуктов и медикаментов в госпитале и старалось всеми возможными средствами спасти жизнь раненых советских солдат, помочь им продовольствием и еще кое-чем. Нужно было видеть, как люди, тайком пробравшись к стене, перебрасывали через нее узелки с продуктами, табаком, обувью, одеждой.

Каждый из узников старался сделать все, чтобы как можно быстрее покинуть этот ад, где люди умирали от издевательств охранников, голода, нехватки лекарств.

Не раз пленные пытались бежать, рискуя жизнью. Очень немногим удавалось уйти безнаказанно. Зная об этом, я все же решился на отчаянный шаг. К тому времени я уже малость окреп. Однажды ночью, разделив свой чудом уцелевший комсомольский билет на отдельные листки и упрятав их в кромки фалд халата, надел темную накидку санитаря, перепрыгнул через ограду. Вечером того же дня, по совету местных жителей, подался в сторону торфяного завода в пяти километрах от Минска. С большим трудом мне удалось устроиться на работу сторожем. Директору объяснил, будто бы по советскому закону был осужден на пять лет и только что вышел из тюрьмы, о чем свидетельствует мой истощенный вид, во время бомбардировки получил ранение. Дабы избежать преследования гестапо, поменял фамилию Калашьян на Погосова. Тогда мне и в голову не приходило, что директор завода Иван Ясинский, комендант зданий Константин Василевский и медсестра Антонина Семеновна были нашими людьми, подпольщиками (их впоследствии схватило гестапо). В медпункте торфяного завода меня основательно подлечили, можно сказать, поставили на ноги. И не только меня, но и многих других,

чьей судьбы схожи с моей. Быстро сошлись мы с украинцем Владимиром Тимофеевичем Бабенко, с которым мы ели за одним столом, вместе ходили на перевязку в медпункт, спали в одной комнате. Он был капитаном Красной Армии, командиром роты связистов, ранен в обе ноги. Бабенко был человеком мужественным, с сильной волей, непоколебимо верил в нашу победу. Владимир Тимофеевич искренним, сердечным обращением со мною с первого же дня покорила меня.

Когда впервые зашел разговор о действующих в окрестностях Минска партизанских группах, Бабенко, тяжело вздохнув, с грустью сказал: «Стыдно сидеть сложа руки и спокойно смотреть на бесчинства оккупантов».

П л е н — не конец борьбы

Комендант зданий завода коммунист Константин Василевский, искусный конспиратор, хранил в подвале своего дома радиоприемник и регулярно слушал московское радио. Его жена, Вера Ивановна, помогала ему записывать и тайно распространять сводки Совинформбюро. В тайну они посвятили и нас. Вскоре нам суждено было расстаться с этой мужественной семьей патриотов.

В суровые, морозные ноябрьские дни мы решили перебазироваться в Минск. Заранее Бабенко подыскал квартиру у железнодорожного вокзала, в доме № 29 по улице Толстого. На торфозаводе и в его окрестностях гестаповские ищейки выискивали патриотов и бросали их в тюрьмы. Им помогали изменники Родины, вместе с оккупантами они делали свое грязное, черное дело.

Константин Василевский и Вера Ивановна сочли, что держать им радиоприемник стало опасно, и решили передать его нам. С помощью их старшего сына я перевез радиоприемник в Минск и спрятал его во дворе нашего дома, в куче угля. Одну комнату в большом доме занимала Надежда Герасимовна, женщина лет шестидесяти, скромного, спокойного нрава, от рождения лишенная правой кисти. Дом же принадлежал врачу Анне Аркадьевне Эринсик, эвакуированной вместе с семьей в Челябинск во время бомбежек Минска. После освобождения Минска семья Эринсик вернулась из Челябинска и вновь поселилась в своем особняке.

В ноябре я начал работать на железнодорожной станции путевым ремонтником. Здесь же трудились мои земляки — Карапет Тиратурян из Ленинанкана, Митя Манвелян из села Кпчгар (ныне Ариндж) Армянского района, с которыми я быстро сблизился и подружился. Позже к нам примкнул Торгом Саркисян, друг Тиратуряна, который раньше до войны работал в инструментальном цехе Ленинанканского промкомбината, а теперь оказался в Минске на одном из заводов.

Бабенко устроился на нефтебазе, где познакомился с секретарем комитета комсомола сборочного цеха Минского радиозавода Анатолием Пикером, который, будучи евреем по национальности, скрывался под армянской фамилией Пиронян. Он был рабочим, иногда водил машину. На нефтебазе он часто навещал нас. Все мы составили костяк подпольной группы, ее организатором и руководителем стал В. Бабенко. По его предложению группу назвали «Кавказ». Все члены группы имели задания. Тиратуряну и Манвеляну, например, была поруче-

на разведывательно диверсионная работа на Минском вокзале. Саркисян добывал оружие. Все мы приняли клятву верно и до конца служить Советской Родине. Нам удалось установить связь с народными мстителями, которые базировались в лесах Гресского района. Благодаря этому мы сумели организовать ряд диверсий, получив от партизан мины и тол. Первую операцию провели на железнодорожной станции. В воздух взлетел эшелон из 28 товарных вагонов.

В поле нашего зрения находилась главная Минская нефтебаза: на ее территории густой сетью колючей проволоки были огорожены десятки цистерн. База усиленно охранялась. На трех вышках гитлеровцы с пулеметами

скрывались в развалинах, став из-под пиджака крепкое полотно, а укреплений на здании, укрепил флаг дымоходе. Спрыгнув на звук, прислушался: кругом слышались шаги. Мне нужно было выполнить еще одно поручение: приклеить на стене подпольную газету «Большой Минск», которую я, с товарищем вчетверо, спрятав в тайном кармане пиджака, став и развернув ее, укрепил на стене того же здания. Облегчением вздохнул. Из-за вокзала. Туда добрался приключений и перевел плеч: здесь уже было опасно, поскольку я имел право пуск на работу во вторую смену.

неусыпно следили за всей территорией. И тем не менее Бабенко удалось заложить магнитную мину с часовым механизмом под одной из огромных цистерн. Взрыв страшной силы потряс все окрест, пламенем охватило всю территорию базы. Но... все члены группы «Кавказ» вместе с радостью пережили и неутешное горе. Погиб В. Бабенко. Не успев выбраться с нефтебазы, захваченный пламенем врасплох, он сгорел в огне...

Через три часа после этого минское гестапо уже обыскало наш дом, сарай, двор, подвал. Были найдены радиоприемник, 8 бельгийских и немецких пистолетов, 2 компаса, граната, которые с таким грузом были добыты Карапетом Тиратуряном и Митей Манвеляном.

Скрываясь от гестапо и стараясь замести следы, я перенес квартиру и больше не являлся на работу. Члены группы «Кавказ» временно перестали встречаться. Впоследствии стало известно, что, пытаясь напасть на мой след, гестаповцы обыскали квартиру мастера моего рабочего участка, коммуниста Сергея Осиповича Запольского. Найдя пистолет, они расстреляли Запольского прямо во дворе.

В конце мая оставшиеся в живых армянские бойцы вошли в состав одной из подпольных диверсионных групп Минского горкома партии. Во главе ее были инженер-строитель Кузьма Матузов и Капитолина Гурьева — голубоглазая красавица, снискавшая славу опытного партизана. Немало заданий пришлось выполнять нам в составе этой группы. Припоминаю одно из них.

Капитолина Гурьева пригласила к себе и сказала:

— Вачик, дорогой, тебе поручаем ответственное задание. Имей в виду, оно требует большого риска и исключительной смелости. В честь праздника Великого Октября ты должен сделать так, чтобы над Минском развевалось красное знамя. Пусть знают гитлеровские палачи, что у них под носом советские люди празднуют 26-ю годовщину Великой Октябрьской революции. Задание действительно было нелегким, так как выполнить его предстояло только ночью. А ведь после начала комендантского часа выходить из дома строго запрещалось. Немецкие патрули, не раздумывая, открывали огонь по каждому, кто при встрече с ним не называл пароль. Достав пропуск на работу во вторую смену, я оказался в двенадцатом часу ночи у пострадавшего от бомбежки дома на правой стороне улицы Мясникова. Опираясь на палку и прикинувшись хромым,

ну, да и дом близко. Почти то меня знобило, видимо, волнения. Чтобы согреться, побежал. И... неожиданно выскочил на немецкий патруль. Прежде чем я решил, что делать, один из них крикнул:

— Хальт!

Я остановился. Они, в кидках и с автоматами в груди подошли и осветили меня фонариками.

— Аусвайс! — потребовали, тот, что был повыше. Я достал свои документы и пропуски. Они внимательно изучили их, сверили часы. Рослый немец вернул мне документы, угрожающе пророчески: «Ты не имеешь права шалить по городу, твой пропуск действителен только на территории вокзала. Если еще раз эти часы встретим, капут тебе». Они ушли.

В доме, где я жил, меня встретила Степанида Петровна — мать Капитолины Гурьевой. Узнав, что все в порядке, она обняла меня матерински, поцеловала, лег в постель, но до утра не уснул. На следующее утро по городу разнеслась весть о том, что к празднику было поднято красное знамя в честь Великого Октября.

И вот настало время, когда мне пришлось расстаться с Минском. Повод для этого был достаточно убедительным. Как-то вечером, когда был у подпольщика Торгом Саркисяна, гестаповцы ворвались в дом, где мы с Гурьевой жили, обыскали квартиру и забрали Капитолину с матерью в СД. В то же время допросили мою тещу Шкуру Тимошеву. Пытались выведать у нее, где я. Убеленная сединами 70-летняя женщина наотрез отказалась сообщить гитлеровским палачам что-либо о своем жильце-армянине, хотя знала, что я подпольщик. После жестоких истязаний и побоев она прожила лишь пять дней...

Мой путь, опасный и трудный, теперь лежал в партизанский отряд подпольщика С. Ваушасова, с которым наша подпольная группа имела связь. Узнав от меня об аресте Капитолины Гурьевой и ее матери, он мрачнел: для него, как и для всех нас, это был тяжелый удар...

Не все в этом рассказе Вачика Еноковича Погосяна (Калашьяна) прояснено, из него не видно, как сложилась судьба остальных армян-подпольщиков, действовавших в годы войны в Минске, боровавшихся вместе с жителями города против общего врага — фашизма.

В. ПЛЕШЕВЕНА
партизан Великой Отечественной войны.